

Глава 7. Рисовый отвар

—

Он потрясенно открыл глаза и встретил встревоженный взгляд Гу Танцзиня.

— Что стряслось? Отчего ты такой невеселый?

Цзи Жунся хмуро пробормотал:

— Я сегодня не выполнил задание. Эти огурцы так трудно шинковать!

Он натянул одеяло и с головой укрылся им. Было ужасно стыдно: надо же, с какими-то огурцами не справился!

Гу Танцзинь: «.....»

Он не удержался и прыснул от смеха, отложил книгу и принялся стягивать с мужа одеяло:

— Я ничего не понял. Ну-ка, вылезь из-под одеяла и расскажи мне все толком.

Цзи Жунся высунул одни только глаза и бессильно, с обидой посмотрел на мужа. Танцзинь ведь у него такой сметливый, разве мог он не понять? Просто дразнит его, вот и все! Поняв это, Цзи Жунся брыкнул ногой, легонько пнув мужа в правую ногу.

Гу Танцзинь, сдерживая смех, поспешил извиниться:

— На этот раз я правда не понял, сделай милость, Ся-гэр, расскажи мне все по порядку.

Цзи Жунся зажмурился и глухо принялся изливать душу: сколько огурцов он за эти полчаса извел, а все без толку.

— А ведь этот дух обещал мне целый цзинь огуречных семян в награду! Представляешь, сколько из них огурцов выросло бы? И чужой земли искать не надо, посадили бы прямо у нас во дворе, подвязали к бамбуковым шестам, глядишь — к осени уже собирали бы урожай, — при одной мысли об этом Цзи Жунся снова воспрянул духом. — В следующий раз я расшибусь, но выполню все безупречно! Будут у нас осенью свежие огурцы. Ты и представить не можешь, там среди плодов были такие виды, что на вкус точь-в-точь как фрукты: пахнут сладко, а сока в них — не сосчитать! Я хоть и не попробовал, но по виду понял, что вкус отменный.

— Хорошо, как добудешь семена, я помогу тебе с посадкой. В следующий раз ты обязательно справишься, — подбадривал его Гу Танцзинь.

Цзи Жунся окончательно забыл про обиду и повеселел. Он обнял мужа за руку и принялся увлеченно мечтать вслух: как на исходе лета, когда солнце все еще палит нещадно, они достанут из прохладного колодца эти огурцы, похожие на фрукты, откусят по хрустящему куску — до чего же это будет здорово!

Гу Танцзинь молча с улыбкой слушал его речи.

Супруги еще немного порадовались втайне от всех, а затем поспешили уснуть. Завтра на рассвете предстояло открыть утреннюю торговлю, и если сейчас не сомкнуть глаз, то завтра они просто не выдержат до полудня.

Ночь прошла мирно. Супруги поднялись на ноги, едва забрезжил рассвет.

Они вдвоем набрали воды для умывания. Вчера они купили у Ли фулана много чистой родниковой воды, и сегодня она как раз пригодилась для фруктового напитка.

Вскипятив воду, они растворили в ней леденцы и оставили остывать, а сами принялись мыть, чистить и крошить фрукты. Пользуясь тем, что очаг еще пылал жаром, Цзи Жунся подбросил в топку полено и на остаточном тепле поставил томиться небольшой котелок рисового отвара.

Чистая родниковая вода и малая горсть риса, томленные на медленном огне, давали на редкость питательный отвар.

Фруктовый напиток, конечно, штука вкусная, но нельзя пить его изо дня в день без перерыва, нужно чередовать вкусы. Только если утренний завтрак придется по душе, у человека весь день будут силы для работы.

Гу Танцзинь отыскал четыре больших фарфоровых таза и, как учил его Цзи Жунся, принялся деревянным пестом разминать мякоть плодов.

В один таз легли персики, в другой — абрикосы, в третий — сливы, а в четвертом они смешали все три вида плодов вместе.

Размяв фрукты, он принялся вымешивать тесто. Повар из Гу Танцзиня был никакой, но если дело не касалось готовки у плиты, любая тяжелая работа спорилась в его руках на ура.

Пока сладкая вода остывала, Цзи Жунся взялся за пироги с китайским луком.

Каждую готовую лепешку он разрезал на четыре части, установив цену в один вэнь за кусок.

В эти пироги ушло немало пшеничной муки и свиного сала, так что пусть сам лук достался даром, а тофу стоил сущие гроши, продавать угощение слишком дешево было нельзя. Но и целая лепешка выходила слишком большой и дорогой для простого люда, оттого Цзи Жунся и рассудил, что лучше делить их на малые части — так покупателей привлечь куда легче.

Боясь, как бы товар не остался нераспроданным, он не решился печь слишком много: приготовил всего сорок штук, да еще десяток отложил для домашних.

Пока Цзи Жунся смешивал фруктовую мякоть со сладкой водой, Гу Танцзинь принимал припасы, которые доставили утренние торговцы: свежие овощи, мясо и рыбу для полуденного стола, а также прикупил несколько ведер родниковой воды.

Едва фруктовый напиток был готов, супруги отперли передние двери ресторанчика и вынесли на улицу длинный стол.

Они бережно расставили четыре больших фарфоровых таза со сладким питьем, а рядом водрузили бамбуковый плетеный поднос с пирогами. Так и раскинулся их скромный утренний прилавок.

На один поднос помещалось ровно десять пирогов, разрезанных на части. Цзи Жунся не стал выносить все припасы разом, выставил лишь малую долю, решив приносить свежие пироги из кухни по мере надобности.

— Ох, наконец-то вы открылись! — из дверей соседней кондитерской лавки, бережно неся на

руках маленького внука, протиснулся Гэ фулан.

— Я еще позавчера пообещал Ху-эру, что сегодня куплю ему сладкой водички, так этот малыш все запомнил до единого слова! Проснулся ни свет ни заря, заставил меня поскорее его одеть, а едва у вас двери заскрипели — так сразу и потащил меня на улицу. И откуда в таком крохе столько памяти?

— Дядюшка Гэ, Ху-эр у вас на редкость сметливый мальчик, да и слух у него отменный — мы ведь еще и зазывать никого не начали, а он уже все приметил, — с улыбкой отозвался Цзи Жунся. Малыш, разгоряченный летним теплом, был одет в одну лишь тонкую кофту. Плотненький, круглолицый, с живыми черными глазами, он невольно вызывал умиление.

— Здравствуйте, дядюшка Гу, дядюшка Цзи, — Ху-эру уже исполнилось три года, он прекрасно понял, что его хвалят, и, смущенно уткнувшись в шею Гэ фулана, вежливо поздоровался.

— Ой, умница какой! Ну-ка, Ху-эр, подходи ближе, выбирай, какой напиток тебе налить, — Цзи Жунся просиял от радости, при виде такого славного ребенка невозможно было не улыбнуться.

Гу Танцинъ тем временем вынес из двора дочиста вымытые бамбуковые стаканы и черпак.

— Дядюшка Гэ, фруктовый напиток мы продаем по ложкам: один большой черпак — один вэнь. Бамбуковый стакан мы даем под залог: вернете его назад — монету отдадим, а если при себе оставите, то он один вэнь стоить будет. Если же кто со своей плошкой придет, с того за стакан мы и вовсе ничего не берем. А пироги — один кусок за одну монету, — вежливо и подробно растолковал Гу Танцинъ.

— Ох, ну тогда я возьму ваши стаканы, а после, как выпьем, занесу обратно. И дайте-ка мне еще восемь кусков пирога! Сегодня у очага стоять не буду — жара невыносимая, лень даже руки марать, — добродушно рассмеялся Гэ фулан. Семья у них держала кондитерскую лавку, так что деньги в кошельке водились, и раз уж они все равно вышли за покупками, то решили заодно прихватить и завтрак на всю семью.

— Будет сделано! — у Цзи Жунся аж глаза заблестели от радости: надо же, только открылись, а уже первый почин!

— Ну-ка, Ху-эр, гляди: вот это — персик, это — абрикос, тут — слива, а в этом тазу все три вкуса смешаны. Какого тебе налить? — ласково спросил Цзи Жунся.

Малыш крепче обнял Гэ фулана за шею и тихонько пролепетал:

— Дедушка, а можно мне всего понемножку?

Гэ фулан от этих слов покатился со смеху:

— Хорошо-хорошо, если так, налейте нам каждого вкуса по черпаку в четыре отдельных стакана. Уж простите за хлопоты.

— Какие тут хлопоты, что вы! — отозвались супруги. Цзи Жунся принялся заворачивать пироги, а Гу Танцинъ — споро разливать сладкую воду.

Для упаковки пирогов они брали чистые сухие листья лотоса. Летом этот товар стоил сущие гроши, а завернутая в него еда приобретала тонкий, приятный аромат, так что ресторан всегда закупал их впрок в большом количестве.

Черпак в руках Гу Танцзиня был из тех больших поварешек, какими обычно разливают кашу, так что одна полная ложка заполняла бамбуковый стакан больше чем наполовину. Порция выходила знатная. Гэ фулан, примечая это со стороны, мысленно отметил, что молодые ведут дела честно и щедро.

Поскольку ноша вышла немаленькая, Гэ фулан опустил Ху-эра на землю, вручил ему сверток с пирогами, а сам бережно подхватил четыре бамбуковых стакана и направился к дому.

Малыш, прижимая к груди завернутые в лотосовый лист пироги с китайским луком, весело зашагал следом, забавно перебирая короткими ножками. Вид у него был донельзя умильный.

Видя, что кондитер из соседней лавки набрал столько добра, несколько прохожих на улице из любопытства тоже потянулись к прилавку.

Сладкое питье стоило всего один вэнь за черпак, а поварешка у торговцев была знатная — многие своими глазами видели, как щедро и доплна наливал Гу Танцзинь.

— Налей-ка мне черпак абрикосового напитка. Выпью прямо здесь и стакан сразу верну, — сказал молодой ремесленник, державший в руке сверток из промасленной бумаги.

— Слушаюсь, — отозвался Гу Танцзинь и споро налил ему абрикосовой воды.

Парень принял стакан и, поленившись отходить далеко, отступил на шаг в сторону и тут же сделал большой глоток.

Кисло-сладкий абрикосовый вкус обдал язык приятной, легкой прохладой, принося мгновенную свежесть. Стоило сделать глоток, как в животе тут же заурчало от проснувшегося голода.

В такую жару у парня с утра маковой росинки во рту не было — аппетит совсем пропал, а тут голод подступил сам собой.

Он осушил стакан одним духом, и на душе у него стало несказанно хорошо.

Но стоило ему повернуться, чтобы купить еще порцию, как он обнаружил, что у прилавка уже выстроилась небольшая очередь!

Он лишь крякнул с досады: сам же виноват! Пил с таким блаженным видом, что сразу выдал всем зевакам, до чего хорош товар у молодых хозяев. Вот люди и решили не жалеть одной-двух монет, чтобы попробовать диковинное угощение. В самом деле, один вэнь за добрый стакан сладкого напитка — как ни считай, убытка не будет.

Почти каждый из подошедших брал по стакану. Пусть даже сладости там было самую малую толику, за такую цену никто не чувствовал себя обманутым. А вот пироги с китайским луком поначалу взял лишь один прохожий — пару кусочков на пробу.

Однако стоило кому-то пригубить напиток прямо у прилавка, как этот человек обязательно тянулся за кошельком, чтобы купить еще.

Такое дешевое, ароматное и сладкое питье выходило куда выгоднее покупных кондитерских сладостей. В летнее знойное время сделать глоток такого нектара — и всю усталость как рукой снимало.

Те, кто был бережливее, разворачивались и бежали домой за собственными плошками, а те, кто не привык экономить каждую мелочь, без лишних слов покупали напиток вместе с бамбуковым стаканом — один вэнь за посуду, цена невелика.

Видя, как у прилавка толпится народ, и другие прохожие стали заворачивать к прилавку за завтраком. Слово за слово, и покупателей на пироги с китайским луком тоже заметно прибавилось.

Цзи Жунся, сияя улыбкой от уха до уха, только и успевал заворачивать пироги в лотосовые листья.

Тем временем в кондитерской лавке семьи Лю...

Лю Далан*, едва поднявшись с постели и пройдя в главную комнату, заметил на столе блюдо с теплыми пирогами, а его маленький племянник как раз сидел, бережно держа обеими ручонками бамбуковый стакан, и не торопясь цедил фруктовую воду.

[*Далан (达郎, Dàláng) — дословно «Да» (达, Dà) — большой, старший, «лан» (郎, láng) — молодой человек/сын. Это стандартное обращение к первому по старшинству сыну в семье в древнем Китае, буквально «старший сын».]

— Дядюшка! — позвал Ху-эр. Он устроился на длинной скамье, свесив вниз короткие ножки, и весело болтал ими из стороны в сторону, выказывая редкое послушание.

— Наконец-то дождался своей сладкой водички! А то позавчера от твоего рева у меня аж в ушах звенело, — шутливо поддразнил его Лю Далан. Сам он, хоть уже и женился, и гэра растил, в душе все еще оставался сущим ребенком. К счастью, парень он был работящий, кондитерскому делу обучен на совесть, так что его мальчишеский, несерьезный нрав никого в семье не раздражал.

Ху-эр надул губы и обиженно пролепетал:

— Цянь-гэр тоже хотел попить, да только ему плакать не положено, он ведь старше.

— О-о, ну раз ты у нас самый маленький, тебе, значит, реветь можно, — продолжал потешаться над племянником Лю Далан.

Ху-эр отвернулся и принялся крошечными глотками цедить напиток, наотрез отказываясь смотреть на обидчика.

— Полно тебе, — прервал его Гэ фулан, входя в комнату. — Ты поднялся спозаранку не для того, чтобы языком чесать. Если сил невпроворот, ступай лучше рис для выпечки замочи. Да, кстати, пирогов на столе всего восемь штук, съешь один кусок — и хватит, если не наешься, я еще кукурузные лепешки разогрел.

— Опять эти пресные лепешки с зеленью... — зевнул Лю Далан, но все же протянул руку, взял кусок пирога с китайским луком и откусил добрую половину.

— М-м! А пирог-то знатный, пахнет как! — с набитым ртом невнятно замычал Лю Далан. — Маленький папа, а где ты взял эти пироги?

— Я же говорил позавчера: Ся-гэр с Танцзином задумали утренней торговлей заняться. Вот я

пошел за напитком да заодно и пирогов прихватил, один вэнь за кусок, — пояснил фулан Гэ.

— Вот как? До чего же вкусно! Пойду-ка я еще куплю, — Лю Далан мигом вскочил со скамьи и, дожевывая на ходу, бросился к дверям.

Гэ фулан знал, что у сына в кармане водятся кое-какие медяки, да и покупка пары пирогов семью по миру не пустит, так что удерживать его не стал.

Кто же знал, что едва Лю Далан выскочит на улицу, как застанет Цзи Жунся и Гу Танцзиня за уборкой прилавка.

— Неужто все распродали?! — так и замер от изумления Лю Далан.

— Да, брат Лю, на сегодня и пироги, и напитки закончились. Приходи завтра, — с улыбкой отозвался Гу Танцзинь.

— И завтра тоже эти пироги печь будете? — дотошно выспрашивал Лю Далан.

— Да, завтра повторим, — весело подтвердил Цзи Жунся. — А через несколько дней, как руку набьем, придумаем какое-нибудь новое угощение.

Услышав это, Лю Далан успокоился:

— Танцзинь, ты уж оставь для меня завтра парочку кусков, я обязательно приду купить.

— Договорились, — кивнул Гу Танцзинь.

Цзи Жунся с великой радостью прибрал стол. Собрав все монеты в кучу, они подсчитали выручку: за тридцать пирогов вышло сто двадцать вэней, да за четыре таза напитка — еще шестьдесят вэней. Если скинуть расходы на припасы, чистой прибыли выходило не меньше сотни монет!

Сто вэней за один только утренний час! В месяц это — три гуаня*!

[*Гуань (兩, guàn) - связка медных монет, которая использовалась в качестве стандартной денежной единицы, номиналом 1000 вэней (медных монет), что эквивалентно 1 лян серебра.]

А ведь это целых три лян серебра!

— Столько не выйдет, — вполголоса охладил его пыл Гу Танцзинь. — На этот раз лук нам даром достался, да и фруктовое питье вечно продавать не получится, сезон плодов короток.

— Не будет лука — найдем другую зелень, кончатся фрукты — сделаем другой напиток. Убытка большого не будет. Даже если мы станем выручать по два лян в месяц — и то хорошо! — Цзи Жунся был более чем доволен. Если подкопить серебра, они смогут подновить пришедший в упадок ресторанчик, а там, глядишь, и прикупят немного земли на окраине уезда!

Глядя на этот горделивый, счастливый вид своего фулана, Гу Танцзинь не смог сдержать нежности, и взгляд его наполнился глубокой теплотой.

—

<http://bllate.org/book/17885/1715527>